

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.64.76>

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ, ВЕНЧИКИ И ДИАДЕМЫ: КОНТИНУИТЕТ ТРАДИЦИЙ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ¹

© 2022 г. Л.И. Авилова, А.Н. Гей, А.А. Клещенко

В статье публикуется подборка погребений эпохи энеолита – бронзы с территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья, в которых найдены остатки/следы головных уборов. Проводится сравнение с металлическими находками с Балкан и Ближнего Востока. Предлагается интерпретация находок как маркеров высокого социального статуса погребенных. Находки деталей и следов головных уборов свидетельствуют, что развитие общества энеолита – бронзового века шло в направлении усложнения структуры. Иерархическая, вертикальная структура социума получала преобладание над половозрастной, о чем свидетельствуют находки символически значимых головных уборов во взрослых и детских захоронениях. Парадные головные уборы отражают сходные процессы, происходившие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала явление имитации ценных роскошных предметов (металлических диадем) в доступном материале (кость, краска).

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, Северный Кавказ, Предкавказье, Северное Причерноморье, Ближний Восток, погребальные памятники, головные уборы, социальный статус.

HEADRESSES, HEADBANDS, DIADEMS: CONTINUITY OF TRADITIONS IN ENEOLITHIC AND BRONZE AGE²

L.I. Avilova, A.N. Gey, A.A. Kleshchenko

The authors publish a selection of the Eneolithic – Bronze Age burials from the North Caucasus and the North Pontic region, in which the remains/traces of headdresses have been found. A comparison with the corresponding metal finds from the Balkans and the Near East is presented. The interpretation of the finds as markers of high social status of the buried is suggested. The finds of details and traces of headdresses indicate that the Eneolithic – Bronze Age society developed in the direction of increasing the complexity of the social structure. The hierarchical, vertical social model prevailed over the age and gender model, as evidenced by the finds of symbolically significant headdresses in adult and children's burials. Ceremonial headdresses reflect similar processes that took place within a wide area in different types of societies at various development stages – from civilizations of the Near Eastern type to the mobile pastoral groups in the North Pontic region and the Fore-Caucasus. The difference in the level of social and economic development resulted in the phenomenon of imitation of valuable items (metal diadems) using the available material (bone, paint).

Keywords: archaeology, Eneolithic, Bronze Age, North Caucasus, Fore-Caucasus, North Pontic region, Near East, burial sites, headdresses, social status.

Погребения – информативная категория памятников, дающая сведения о социальной структуре и идеологии общества. Стремление обозначить высокое положение человека через особенности костюма, прежде всего головного убора, отмечается с глубокой древности. С распространением металла он стал применяться для изготовления головных уборов или их деталей.

1. В материалах энеолитической Балкано-Карпатской металлургической провинции зафиксированы древнейшие металли-

ческие диадемы. В некрополе Варны (сер. V тыс. до н. э.) найдены золотые Т-образные диадемы (Русев и др., 2010, с. 157, табл. 13, рис. 13, 60, 116) в виде пластин с вертикальным выступом (рис. 2: 3). После разрушения Балкано-Карпатской провинции (Черных и др., 2002) они исчезают; таким образом, этот тип диадем представляет собой изолированный во времени локальный феномен.

2. В поисках истоков распространения диадем и венчиков и реконструкции их символики обратимся к материалам Кавказа

¹ Исследование выполнено в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите – бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)»

² The research was carried out within the framework of R&D 122011200270-0 "Dynamics of the development of spiritual and material culture in the Eneolithic – Bronze Age (South-Eastern Europe, Caucasus, the Fore East)"

Рис. 1. Карта погребальных памятников конца VI – нач. II тыс. до н.э., упоминаемых в тексте.
 1 – Варна; 2; 3 – Мариупольский; 4 – Майкопский курган; 5 – Ериковский I; 6 – Малаи I; 7 – Останний I;
 8 – Незаметный; 9 – Хутор Кубань; 10 – Пластуновский I; 11 – Кавказский II; 12 – Квацхелеби; 13 – Троя;
 14 – Кучукхююк; 15 – Демирчихююк-Сарикет; 16 – Аладжахююк; 17 – Кюльтепе; 18 – Арслантепе;
 19 – Коруджутепе; 20 – Тепе Гавра; 21 – Библ; 22 – Мари; 23 – Киш; 24 – Абу Салабих; 25 – Ниппур;
 26 – Урук; 27 – Ур; 28 – Сузы.

Fig. 1. Map of the burial sites of the late 6th – early 2nd Millennium BC referred to in the text.
 1 – Varna; 2, 3 – Mariupol; 4 – Maikop barrow; 5 – Erikovsky I; 6 – Malai I; 7 – Ostanii I; 8 – Nezametny;
 9 – Khutor Kuban; 10 – Plastunovsky I; 11 – Kavkazsky II; 12 – Kvatskhelebi; 13 – Troya; 14 – Kuchukhyuyuk;
 15 – Demirchiyuyuk-Sariket; 16 – Aladzahyuyuk; 17 – Kultepe; 18 – Arslantepe; 19 – Korudzhutepe; 20 – Tepe
 Gawra; 21 – Bibl; 22 – Mari; 23 – Kish; 24 – Abu Salabikh; 25 – Nippur; 26 – Uruk; 27 – Ur; 28 – Suzy

и Ближнего Востока – Майкоп, Квацхелеби, Арслантепе, Коруджутепе, Тепе Гавра, Ур, Демирчихююк-Сарикет, Троя, Аладжахююк. Диадемы известны и из других ближневосточных памятников (Кучукхююк, Кюльтепе, Библ, Мари, Урук, Киш, Абу Салабих, Ниппур, Сузы), но из-за ограниченного объема статьи мы лишь помечаем их на карте (рис. 1).

В Майкопском кургане втор. пол. IV тыс. до н. э. под черепом погребенного находились две золотые ленты. Отдельно от них найдено 10 пятилепестковых золотых розеток (Мунчаев, 1975, с. 213; Кореневский, 2017, с. 114, рис. 107: 1–3) (рис. 2: 4), напоминающих детали

головных уборов нач. IV тыс. до н. э. из некрополя на поселении Тепе Гавра в Северной Месопотамии (Tobler, 1950). Слои с XIA/B по VIII (3800–3600 до н. э. cal., см.: Porada et al., 1992) относятся к позднему халколиту. Это многолепестковые розетки из золотой фольги, иногда с лазуритовыми вставками (Tobler, 1950, p. 90, pl. XXVII, LVIII, CLXXV, figs. 74, 76, CVII, figs. 53–57, CVIII, fig. 58). Найдена также диадема (рис. 2: 5). Диадемы и их детали присутствуют в погребениях как взрослых, так и детей, что указывает на наследственный высокий статус погребенных, их принадлежность к элитарным семьям.

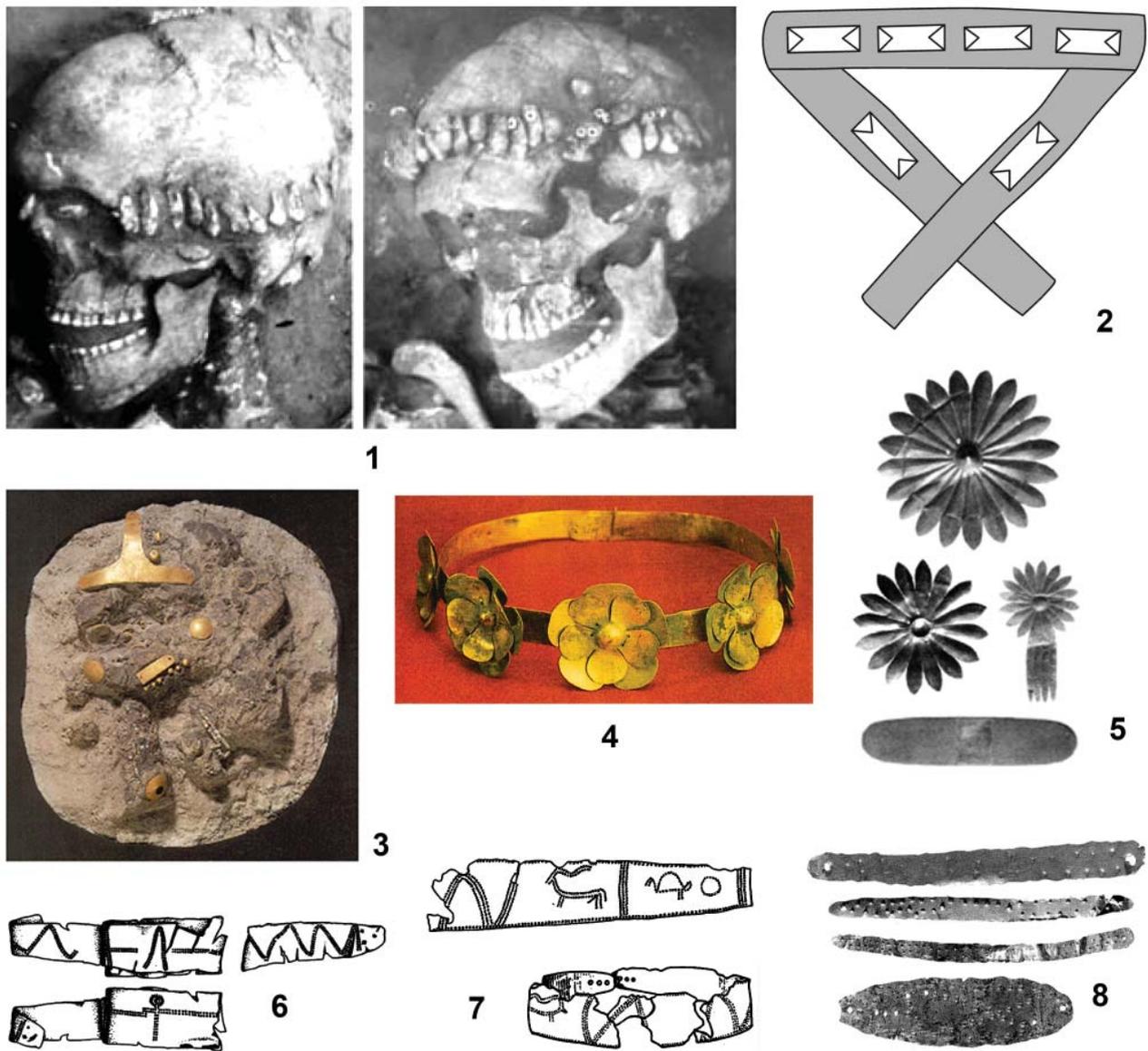

Рис. 2. Диадемы и их детали (конец VI – нач. III тыс. до н.э.)

1 – Вовниги 2, погр. 73 и 74 (по: Kotova, 2010); 2 – Мариупольский могильник, погр. VIII: реконструкция головного убора (по: Kotova, 2010); 3 – Варна, T-образная диадема из кенотафа (погр. 2) (по: Hansen, 2020); 4 – Майкопский курган, реконструкция диадемы (по: Корневский, 2004); 5 – Тепе Гавра, розетки и диадема (по: Brereton, 2011); 6 – Арслантепе VIB, Царская гробница (по: Palumbi, 2007); 7 – Квацхелеби, погр. 2 (по: Кушнарева, Чубинишвили, 1970); 8 – Демирчихюк-Сарикет, (по: Seeher, 2000)

1-2 – костяные украшения, 3-5 – золото, 6 – медно-серебряный сплав, 7 – медь/бронза, 8 – различные металлы.

Fig. 2. Diadems and their details (late 6th – early 3rd Millennium BC)

1 – Vovnigi 2, burial 73 and 74 (after: Kotova, 2010); 2 – Mariupol burial ground, burial VIII: reconstruction of a head-dress (after: Kotova, 2010); 3 – Varna, T-shaped diadem from a cenotaph (burial 2) (after: Hansen, 2020); 4 – Maykop barrow, reconstruction of a diadem (after: Korenevsky, 2004); 5 – Tepe Gawra, rosettes and a diadem (after: Brereton, 2011); 6 – Arslantepe VIB, Royal Tomb (after: Palumbi, 2007); 7 – Kvatskhelebi, burial 2 (after: Kushnareva, Chubinishvili, 1970); 8 – Demirchihuyuk-Sariket, (after: Seeher, 2000)

1-2 – bone jewelry; 3-5 gold; 6 – copper-silver alloy; 7 – copper/bronze; 8 – various metals.

Подобные материалы есть в финальном халколите Восточной Анатолии (ок. 3800 до н. э. в некалиброванных датах). На поселении Коруджутепе размещалось небольшое кладбище. В слоях XXXVII и XXXIX открыты богатые погребения в камерах из сырца. В погр. № 3 (молодая женщина) найдена узкая серебряная диадема-лента, украшенная крас-

ными и белыми бусинами, видимо, нашитыми в древности на ткань (van Loon, 1973, p. 360–361, pl. 5).

Находки из Коруджу и Гавры близки по времени и относятся к древнейшим материалам этого типа на Ближнем Востоке.

В нач. III тыс. до н. э. появляется ряд комплексов с диадемами. Наиболее яркий

– Царская гробница рубежа IV и III тыс. до н. э. на поселении Арслантепе в Восточной Анатолии, слой VI B (Frangipane et al., 2001). Центральное погребение принадлежало мужчине, на плитах перекрытия находились останки четырех сопровождающих погребенных. В комплексе найдено три диадемы-ленты: в центральном погребении и на головах двух сопровождающих жертв. Все они изготовлены из медно-серебряного сплава, с орнаментом в виде линий и зигзагов (рис. 2: 6). Контекст захоронения и особенности обряда свидетельствуют о высоком социальном ранге погребенного, диадемы являются одним из его маркеров. Комплекс отражает культурные и социальные трансформации, связанные с продвижением на Верхний Евфрат групп из Закавказья, о чем говорят слои пожара, изменение планировки и архитектуры, чернолощенная керамика куро-аракского облика.

Известна закавказская параллель находкам из Арслантепе – диадема из погр. № 2 из Квацхелеби (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 43: 31) с геометрическим орнаментом и изображениями животных (рис. 2: 7). Находки близки по времени, их сходство подтверждает закавказское влияние на население Верхнего Евфрата в РБВ I (Frangipane et al., 2001; Palumbi, 2007).

В первой пол. III тыс. до н. э. (РБВ II) серия металлических диадем в виде коротких прямоугольных или овальных пластин (рис. 2: 8) зафиксирована в Северо-Западной Анатолии (могильник Демирчихюк-Сарикет) (Seeher, 2000). Изделия низкого качества, тонкие, с рваными краями, вероятно, предназначены специально для погребального ритуала.

Середина – вторая пол. III тыс. до н. э. в Месопотамии и Анатолии – время расцвета городов и ранних государств. Возрастает богатство общества, ярко выражены социальные контрасты, что отражают материалы Царского некрополя Ура (Woolley, 1934). Зафиксировано 60 диадем на 2000 погребений времени от РД IIIA до 3-й династии Ура (2600–2000 до н. э.). Встречаются диадемы-ленты, налобные бляхи (рис. 3: 1–3), а также сложные конструкции (Woolley, 1934, p. 246 ff.) (рис. 3: 4, 8).

В Анатолии наиболее представительны материалы РБВ III из царского некрополя Аладжахюк (Koşay, 1951) и кладов Трои II–III (Сокровища..., 1996; Авилова, 2018). В Аладже найдено 5 диадем: сплошные и ажурные ленты, иногда с дополнительными элементами (рис. 3: 5), ажурная «корона» (рис. 3: 6). Погребальный обряд и находки отража-

ют статус правителей молодых государств (Yalçın, Yalçın, 2018). В Трое II–III (клад А) три золотые диадемы, две сложной конструкции. Несущий элемент большой диадемы – цепочка, малой – лента (Сокровища..., 1996, № 10, 11). Третья диадема – лента (рис. 3: 7) с отверстиями на концах (Сокровища..., 1996, № 12).

3. Растительные мотивы

Во второй пол. III тыс. до н. э. металлические диадемы и налобные бляхи широко известны на Ближнем Востоке (Wygnańska, 2014, p. 101–103). Некоторые экземпляры украшены растительными мотивами (Woolley, 1934) (рис. 3: 3). Так, в головном уборе царицы-жрицы Пуаби на основу из лент крепятся подвески в виде листьев и венков из цветов, увенчана композиция заколкой с семью восьмилепестковыми розетками (рис. 3: 4). Более скромные уборы того же типа обнаружены на женских костяках из других захоронений (рис. 3: 8), что указывает на сложившийся культ и традиционный наряд его служительниц. На золотой диадеме из погребения PG 1068 изображена процессия животных, движущихся по направлению к розеткам, помещенным на концах ленты.

Изображения листьев и цветов – наследие искусства и идеологии предшествующей эпохи Урука – Джемдет Насра (3500–2900 до н. э.). Укажем на фриз из растений на каменной вазе из Урука, цилиндрические печати, где царь-жрец с колосом или цветущим растением в руке выступает как «кормилец стад» (Антонова, 1991) (рис. 3: 9). В обязанности лидера месопотамского города-государства входил контроль над сбором продуктов для поддержания культа, строительства храмов и каналов, забота об изобилии продукции и тем самым – процветании общины (Антонова, 1998, с. 142 сл.). Изображения растений пропагандировали идею значимости элиты и ее ритуальной деятельности по сохранению благополучия общины и стимулированию производства (Antonova, 1992; Авилова, 2021).

4. В материалах северных степных территорий Причерноморья и Предкавказья, где в энеолите, а затем на раннем и среднем этапах бронзового века (сер. V – 3 четв. III тыс. до н. э.) происходили сложение и развитие свиты специфических скотоводческих культур, головные уборы и украшения имели более скромный вид, а для их изготовления служили не столько металлы, сколько органические и минеральные материалы, а также красители.

Рис. 3. Диадемы и их детали (III тыс. до н.э.)

1 – Ур, типы налобных блях РД III – 3-й династии Ура (по: Woolley, 1934); 2, 3 – Ур, диадема и налобная бляха из погребений РД III (по: Armbruster, 2016); 4 – Ур, головной убор царицы-жрицы Пуаби (реконструкция); 5 – Аладжахююк, гробница К (по: Yalçın, Yalçın, 2018); 6 – Аладжахююк, гробница А (по: Yalçın, Yalçın, 2018); 7 – Троя II, клад А (по: Сокровища...); 8 – Ур, погр. 1237; 9 – царь-жрец – кормилец стад, оттиск цилиндрической печати позднеурукского времени (3300-3000 до н.э.), Месопотамия.

1 – золото, серебро; 2-7 – золото; 8 – серебро.

Fig. 3. Diadems and their details (3rd millennium BC)

1 – Ur, types of forehead plaques RD III – 3rd Dynasty of Ur (according to: Woolley, 1934); 2, 3 – Ur, diadem and forehead plaque from burials of RD III (after: Armbruster, 2016); 4 – Ur, headdress of the queen-priestess Puabi (reconstruction); 5 – Aladzhahyuyuk, tomb K (after: Yalçın, Yalçın, 2018); 6 – Aladzhahyuyuk, tomb A (after: Yalçın, Yalçın, 2018); 7 – Troya II, hoard A (after: Hoards...); 8 – Ur, burial 1237; 9 – king-priest – breadwinner of the herds, an impression of a cylinder seal of the Late Uruk period (3300–3000 BC), Mesopotamia.

1 – gold, silver; 2-7 – gold; 8 – silver.

Шапочки или налобные ленты, украшенные низками каменных бус, горизонтальными рядами подвесок из зубов оленя (рис. 2: 1), пластинами, вырезанными из клыков кабана, или расколотыми вдоль клыками этого животного, представлены в целом ряде грунтовых могильников нескольких археологических культур, входивших в мариупольскую провинцию или общность (V – нач. IV тыс. до н. э., что примерно соот-

ветствует упоминавшемуся выше Варненскому некрополю). Встречались они как во взрослых, так и в детских захоронениях. В Мариупольском могильнике из 11 погребений с головными украшениями 5 были детскими. В 7 случаях, где голову погребенных венчали ряды пластинок из клыков или пары расколотых клыков кабана, направленных заостренным концом либо ко лбу, либо к затылку, можно предполагать именно наго-

ловную ленту (Котова, Тубольцев, 1999, с. 32–33; Kotova, 2010, pp. 170, 171, 173, fig. 5, 6, 9).

В культурах финала раннего и всего среднего периодов бронзового века (3000–2300 до н.э.) головные украшения или особые приемы оформления зоны черепа погребенных встречаются регулярно, хотя в большинстве случаев трудно определить, имели ли мы дело с украшениями тела, например, височными подвесками, крепившимися к прическе, или деталями особых головных уборов и лент или венчиков. На существование последних указывает ряд находок необычных вариантов окраски черепов в подкурганых захоронениях.

В новотиторской культуре Прикубанья (1 четв. III тыс. до н. э.) заслуживает внимания серия из Пластуновского I могильника. В погр. 6 кургана 2 (предположительно женщины 45–55 лет), сопровождавшемся остатками разобранной повозки, яркая полоса красной краски проходила поперек черепа и заканчивалась у затылка двумя свисающими ленточками или косичками (рис. 4: 1). В погр. 11 кургана 1 (взрослой женщины с ребенком 2–3 лет) полоса краски от шапочки или венчика, в пределах которой различимы продольные двойные полосы как бы от ниток, окрашенных яркой малиновой краской (киноварь?), отмечена на черепе ребенка. Похожая, но нанесенная охрой полоса была на черепе ребенка 1,5–2,5 лет в погр. 14 того же кургана. Первое из этих захоронений (2/6) по обряду относится к типично новотиторским 1-го этапа культуры, а оба погребения из кургана 1 принадлежат к синкретической новотиторско-северокавказской группе развитого или позднего этапов (Гей, 1990, с. 54, 62, 147). К этому же времени следует отнести новотиторское погребение 12 в кург. 3 могильника Хутор Кубань (мужчины 45–55 лет), где тонкая четкая полоса красной краски проходила через всю лобную кость (рис. 4: 2) чуть выше надбровных дуг (Гей, 2018). В погр. 9 кургана 2 могильника Белевцы I (нет определения пола/возраста) узкая полоса алой краски (венчик?) проходила по черепу (Бочкарев, 1986).

В кургане 9 могильника Малаи I четкие полосы красной краски через лобные и височные кости зафиксированы в погр. 15 (женщины 16–20 лет) (рис. 5: 1) и погр. 21 (женщина 25–35 лет), входивших в состав кольцевого кладбища (Гей, 2000, с. 53–56). В сопровождавшемся повозкой погребении

100 кургана 2 могильника Лебеди I (мужчина 30–35 лет) при полной окраске охрой всего скелета, включая голову, особенно четкая и яркая полоса (киноварь?) проходила по черепу от виска до виска через лобную кость (Гей, 2000, с. 33).

Особый интерес представляет венчик из погребения 140 кургана 1 могильника Останний (ребенок 5–6 лет), входившего в «тройню» совершенных одновременно или близких по времени детских могил, сопровождавших экстраординарное основное захоронение взрослого мужчины с двумя повозками. Рисунок на ленте или ремешке имел вид «елочки» или стебля с отходящими от него листьями (рис. 5: 2, 2а). Венчик попроще, из тонкого шнурка или толстой нити, окрашенной яркой малиновой краской, был и в погребении 157 (ребенок 2–3 лет), входившем в состав другой «тройки» детских могил, впущенных в курган несколько позднее (Гей, 2000, с. 74–76).

Аналогичные находки известны и в памятниках других синхронных новотиторской или приходящих ей на смену культурных групп в Прикубанье. Например, в северокавказском погребении 2 кургана 2 могильника Кавказский II (рис. 6: 1), предположительно определенном как захоронение взрослого мужчины (Козюменко и др., 2001, рис. 209). Или в раннекатакомбной восточноприазовской культуре, как погр. 12 единственного кургана могильника Незаметный (рис. 6: 2) (Лимберис, 1987, рис. 175). Интересно, что еще одно захоронение под номером 155 восточноприазовской культуры (ребенок 2–3 лет) с окрашенной нитью или шнурком на черепе происходит также из упоминавшегося выше кургана 1 могильника Останний, где оно входило в состав самой поздней «тройки» детских погребений, совершенных в катакомбах у края одной из поздних насыпей (Гей, 2000, с. 84).

Следует думать, что обычай использования окрашенных шапочек, венчиков, наголовных лент или ремешков имел большее распространение. По самым приблизительным подсчетам, проведенным на основании электронной базы данных «Дон», из 1250 погребений ранней и средней бронзы в Предкавказье и на Дону с окрашенными костяками в 200 (или примерно в 16% случаев) отмечена окраска именно черепа (только черепа или акцентированная в случае окрашивания и других костей). Можно пред-

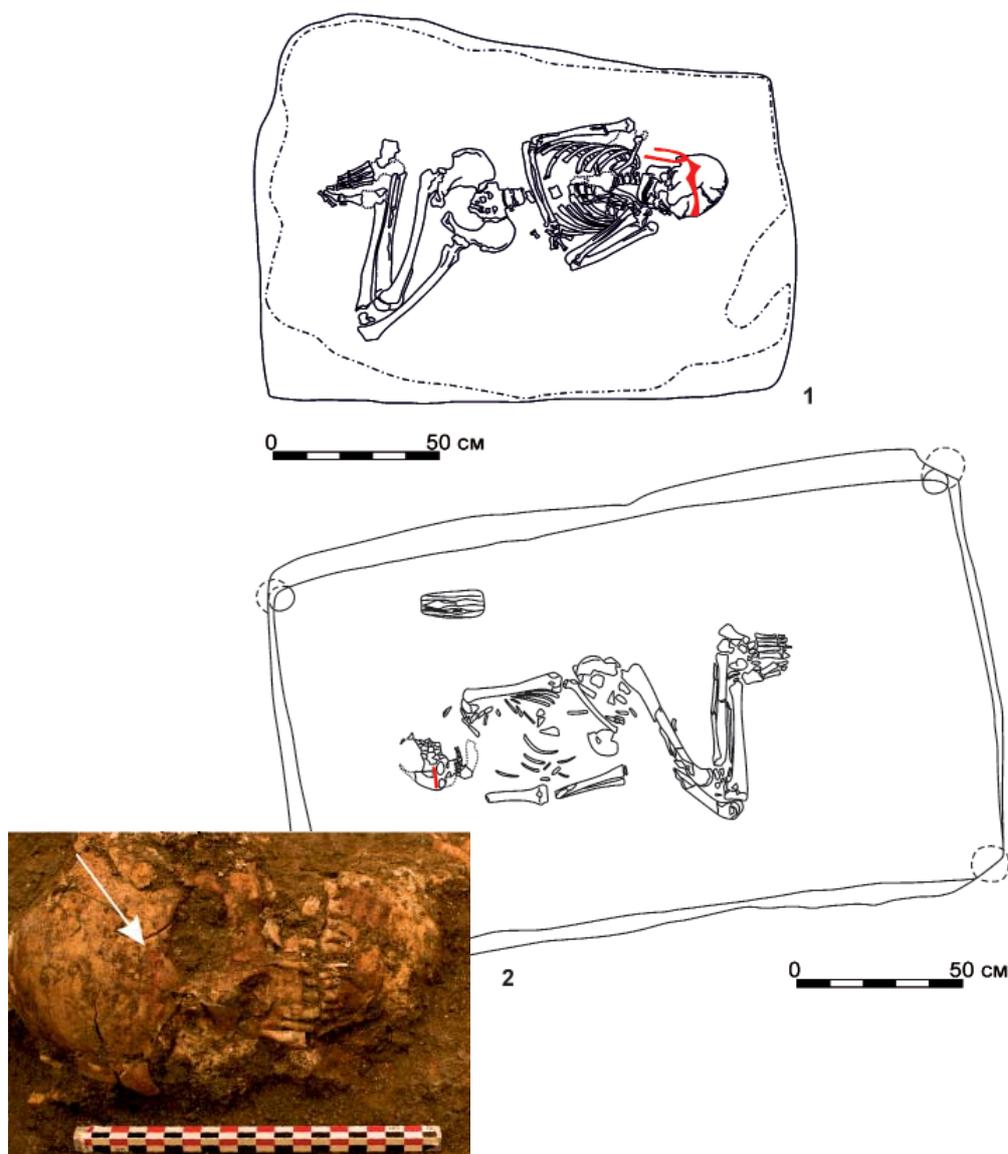

Рис. 4. Прикубанье. Новотитаровская культура. Первая четверть III тыс. до н. э.
1 – курганный могильник Пластуновский I, кург.2, погр.6; 2 – курганный могильник Хутор Кубань, кург. 3, погр. 12 (по: Гей, 1990; 2017).

Fig. 4. Kuban Region. Novotitarovskaya culture. First quarter of the 3rd millennium BC.
1 – Plastunovsky I burial mound, barrow 2, burial 6; 2 – Khutor Kuban burial mound, barrow 3, burial 12 (after: Gey, 1990; 2017).

положить, что расплывчатость сведений о характере применения красителей в этих случаях связана не только с нестойкостью самих красок, но и с недостаточным вниманием исследователей к данному признаку, схематической его фиксацией.

Прикубанье или западные районы Предкавказья не единственная территория с подобными находками. Аналогичные случаи известны и севернее, в катакомбных комплексах Нижнего Дона и Подонцовья. Стоит назвать парное погр. 1А в кург. 1 Краснореченского I могильника, где на черепе ребенка в возрасте около 2 лет отмечены следы венчика из 3 параллельных линий краски (Красильников, 2007). Особый инте-

рес для темы представляют находки другого вида. В катакомбном погребении 7 кургана 3 могильника Мокрый Волчик I голову ребенка 3–4 лет опоясывал ремешок, к которому у висков крепились шнуры с нанизанными на них бронзовыми бусами и подвесками (Прокофьев, 2002, с. 120–122). По-видимому, похожий головной убор был представлен и в погребении 4 кургана 4 могильника Ериковский I, отличавшемся богатым набором украшений костюма и разнообразным сопровождающим инвентарем. У висков погребенного (18–20 лет, пол не определен) найдены 2 деревянные пуговицы с серебряными накладками в виде 4-лепестковой розетки или цветка на шляпке. В публикации они рассматриваются как

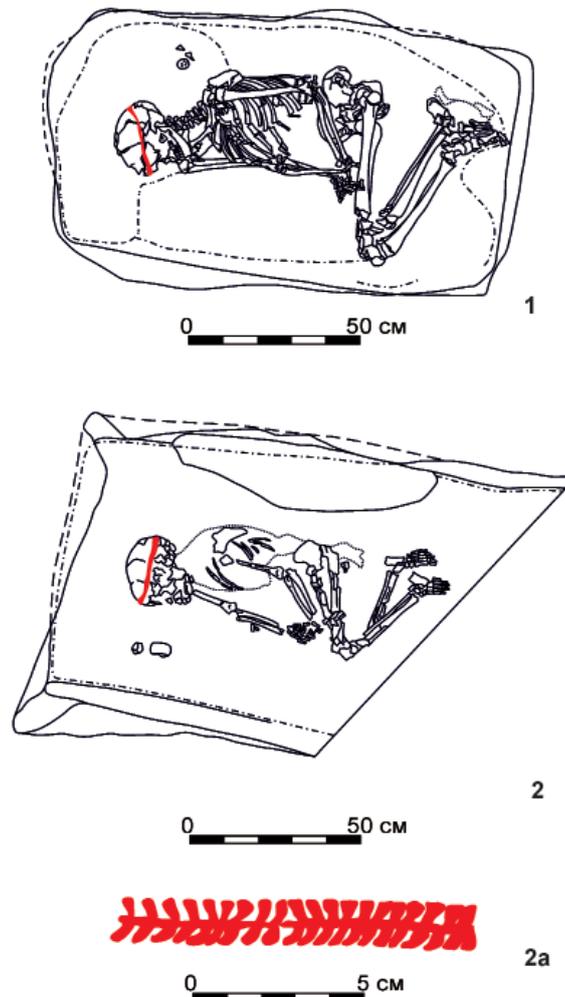

Рис. 5. Прикубанье. Новотитаровская культура. Первая четверть III тыс. до н. э.
1 – курганный могильник Малаи I, кург.9, погр.15; 2, 2а – курганный могильник Останний, кург.1, погр. 140
(по: Гей, 2000).

Fig. 5. Kuban Region. Novotitarovskaya culture. First quarter of the 3rd millennium BC.
1 – Malai I burial mound, barrow 9, burial 15; 2, 2a – Ostanniy burial mound, barrow 1, burial 140
(after: Gey, 2000).

застежки на налобной ленте, с помощью которых крепились свисающие короткие ленточки у висков. Авторы упоминают еще несколько похожих находок из раннекатакомбных захоронений Предкавказья и Подонья (Ильюков, Яценко, 2013, с. 257).

Присутствие растительных и цветочных мотивов на налобных повязках, начельях, лентах в погребениях новотитаровской и катакомбной культур при небольшом пока еще числе подобных случаев тем не менее представляет очевидную параллель металлическим уборам и диадемам более развитых южных обществ.

Элитарность описанных погребений выражена далеко не столь отчетливо, как это отмечается для культур Переднего Востока, Кавказа, Балкан. Вместе с тем в нео-энеолитической серии погребения с головными и налобными украшениями выделяются из общей массы

богатством всего погребального костюма. Одно из них, причем детское (Мариуполь, погр. VIII), сопровождалось таким неординарным предметом, как навершие булавы. Среди новотитаровских комплексов представлены преимущественно либо бесспорно неординарные захоронения с повозками либо захоронения (женские и детские в том числе) в тех же курганах или могильниках, которые могут рассматриваться в качестве сопровождающих для погребений с повозками. В катакомбных материалах такая приуроченность выражена слабее, но по крайней мере часть погребенных с головными уборами выделяется из общей массы разнообразием (богатством?) оформления костюма в целом, обилием прочего инвентаря.

Заключение

Наличие элитарных погребений с деталями/следами особых головных уборов

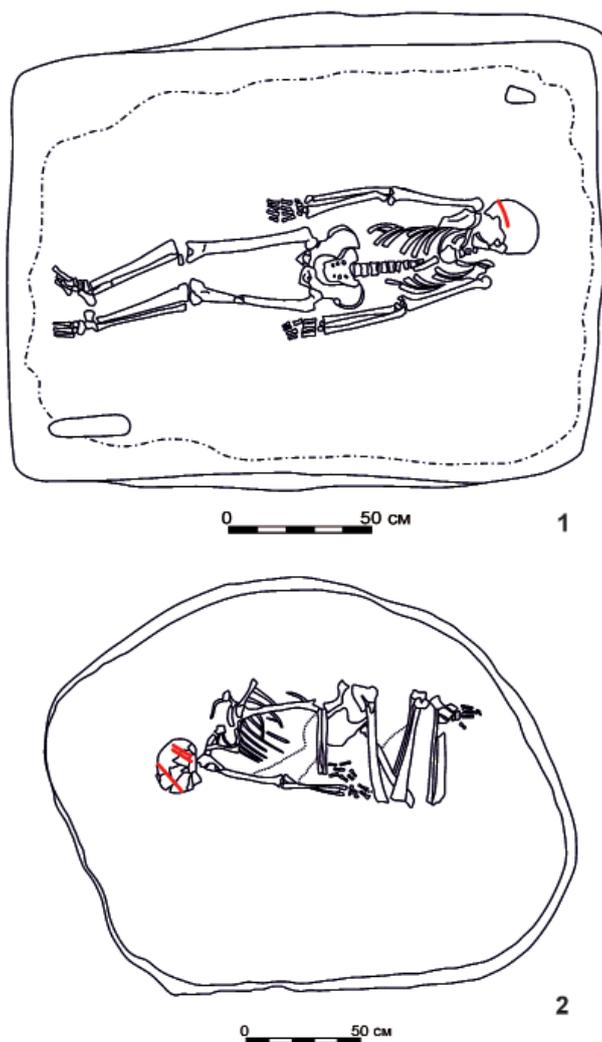

Рис. 6. Прикубанье. Северокавказская (1) и восточноприазовская катакомбная (2) культуры. Первая половина III тыс. до н.э. 1 – курганный могильник Кавказский II, кург.2, погр.2; 2 – курганный могильник Незаметный, кург.1, погр.12 (по: Козюменко и др., 2001; Лимберис, 1987).

Fig. 6. Kuban Region. North Caucasian (1) and East Azov Catacomb (2) cultures. First half of the 3rd Millennium BC 1 – Kavkazsky II burial mound, barrow 2, burial 2; 2 – Nezametny burial mound, barrow 1, burial 12 (after: Kozyumenko et al., 2001; Limberis, 1987).

указывает, что развитие общества позднего энеолита – бронзового века шло в направлении усложнения структуры. Иерархическая, вертикальная структура социума получила преобладание над половозрастной, о чем свидетельствуют находки символически значимых головных уборов как во взрослых, так и в детских захоронениях.

Костюм и головной убор ближневосточных лидеров должны были демонстрировать и закреплять в сознании общества высокое положение тех, кто по своему рангу имел

право ими пользоваться. Парадные головные уборы и их детали отражают сходные процессы, происходившие на широкой территории в обществах разного типа, находящихся на разных стадиях развития – от цивилизаций Ближнего Востока до подвижных скотоводческих племен Северного Причерноморья и Предкавказья. Разница в уровне социального и экономического развития вызывала явление имитации ценных роскошных предметов (металлических диадем) в доступном материале (кость, краска).

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН, 2018. 248 с.

Авилова Л.И. Головные уборы как признаки высокого социального статуса (по материалам Ближнего Востока эпохи раннего металла) // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 201–213.

- Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература. 1998. 223 с.
- Антонова Е.В.* Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // ВДИ. 1991. № 2. С. 3–17.
- Бочкарев В.С.* Отчет о раскопках Пригородного отряда Кубанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР курганной группы Белевцы I в Динском районе Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10934. 1986.
- Гей А.Н.* Отчет о работе Пластуновского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14977-14982. 1990.
- Гей А.Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Гей А.Н.* Отчет об археологических раскопках курганов в Брюховецком и Калининском районах Краснодарского края в 2017 году. 2018. // Архив ИА РАН. Р-1. № 57607.
- Ильюков Л.С., Яценко В.В.* Курганы раннего этапа средней бронзы из Нижнего Подонья // Археологические записки. Вып. 8. / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на Дону: Донское археологическое общество, 2013. С. 248–264.
- Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А.* Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 155–160.
- Корневский С.Н.* Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V-IV тысячелетия до н.э.). М.: ИА РАН, 2017. 284 с.
- Котова Н.С., Тубольцев О.В.* Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // СА. 1999. №3. С. 22–34.
- Красильников К.И.* Отчет о раскопках кургана 1 у поселка Краснореченск (Кабанье) Кременского района Луганской области. 2007 // Архив ЛАЭМ. Ф.2, оп. 02–23.
- Кушнарёва К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.
- Лимберис Н.Ю.* Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы II-й очереди (Калининский район Краснодарского края) за 1986 год. 1987 // Архив ИА РАН Р-1 № 12828.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.
- Прокофьев Р.В.* Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Вып. 2 / Ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на Дону: Донское археологическое общество, 2002. С. 109–133.
- Русев Р., Славчев В., Маринов Г., Бояджиев Г.* Варна – праисторически център на металообработка. Варна: Данграфик, 2010. 192 с.
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И.А. Данилова. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина; Леонардо Арте, 1996. 297 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Древняя металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. 2002. № 1. С. 5–23.
- Antonova E.* Images on Seals and the Ideology of the State Formation Process // Mesopotamia. 1992, XXVII. P. 77–87.
- Armbruster B.*, Technological Aspects of Selected Gold Objects from Ur – Preliminary Results and Perspectives // Metalla. 2016, Nr. 22.1, p. 113–135.
- Brereton G. D.* The Social Life of Human Remains: Burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East. Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy. Vol. I. University College. London. 2011. 854 p.
- Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.* New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. 2001, Vol. 27/2, P. 105–139.
- Hansen S.* Varna – Repräsentationen der Macht // Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstag von Blagoje Govedarica / S. Hansen, Hrsg. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag. 2020, S. 45–72.
- Koşay H.Z.* Les fouilles d’Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939. / Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. Ser. V; no. 5. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1951. 409 p.
- Kotova N.* Burial clothing in Neolithic cemeteries of the Ukrainian steppe // Documenta praehistorica. 2010, XXXVII. Ljubljana University Press, Faculty of Arts, P. 167–177.

Palumbi G. From collective burial to symbols of power. The translation of role and meanings of the stone-lined cist burial tradition from southern Caucasus to the Euphrates Valley // *Scienze dell'Antichità*. 2007, 14, p. 17-44.

Porada E., Hansen D.P., Dunham S., Babcock S.H. The chronology of Mesopotamia, ca. 7000–1600 B.C. // *Chronologies in Old World archaeology* / Ed. R. W. Ehrich. 3rd ed. Chicago; L.: Univ. Chicago Press. 1992. Vol. I, p. 74–124; Vol. II, p. 90–124.

Seeher J. Die Bronzezeitliche Nekropole von Demircihüyük-Sariket. Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Zusammenarbeit mit dem Museum Bursa, 1990–1991. Tübingen: Wasmuth, 2000. 299 s. (Istanbuler Forschungen, 44).

Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. 334 p.

van Loon M. The Excavations at Korucutepe, Turkey, 1968-70: Preliminary Report. Part I: Architecture and General Finds // *Journal of Near Eastern Studies*. 1973. 32 (4), P. 357–423.

Woolley C. L. Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery. London: The British museum, 1934. 604 p.

Wygnańska Z. Tracing the “diadem-wearers”: an inquiry into the meaning of simple-form head adornments from the Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 2014, Vol. 23/2, p. 85–144.

Yalçın Ü., Yalçın G.H. Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // *Anatolian metal VIII* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. 2018, p. 91–122. (Der Anschnitt; Beiheft 39).

Информация об авторах:

Авилова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии бронзового века, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); aviloval@mail.ru

Гей Александр Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии бронзового века, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); donkuban@mail.ru

Клещенко Александр Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии бронзового века, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); sansanych@bk.ru

REFERENCES

Avilova, L. I. 2018. In Gey, A. N. (ed.). *Anatoliiskie klady metallicheskih izdelii: ocherki metalloproduktstva i kul'turnogo konteksta (Anatolian Hoards of Metal Items: Essays on Metal Production and Cultural Context)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Avilova, L. I. 2021. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 201–213 (in Russian).

Antonova, E. V. 1991. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 2. 3–17 (in Russian).

Antonova, E. V. 1998. *Mesopotamiia na puti k pervym gosudarstvam (Mesopotamia on the Way to the First States)*. Moscow: “Vostochnaia literature” Publ. (in Russian)

Bochkarev, V. S. 1986. Otchet o raskopkakh Prigorodnogo otriada Kubanskoj arkheologicheskoi ekspeditsii LOIA AN SSSR kurgannoi grupy Belevtsy I v Dinskom raione Krasnodarskogo kraia v 1985 g. (*Report on the Excavations by the Suburban Group of the Kuban Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences at Belevtsy I Barrow Group in the Dinskoy District of Krasnodar Krai in 1985.*). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 10934 (in Russian).

Gey, A. N. 1990. *Otchet o rabote Plastunovskogo otriada Severo-Kavkazskoi ekspeditsii IA AN SSSR v 1988 godu (Report on the Activities of the Plastunovsky Group of the North Caucasian Expedition by the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in 1988)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 14977-14982 (in Russian).

Gey, A. N. 2000. *Novotitorovskaja kul'tura (Novotitorovskaya Culture)*. Moscow: “Staryi sad” Publ. (in Russian).

Gey, A. N. 2018. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurganov v Briuhoveckom i Kalininskom raionah Krasnodarskogo kraia v 2017 godu (Report on Archaeological Excavations of Barrows in Bryukhovetsky and Kalininsky Districts of Krasnodar Krai in 2017)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 57607 (in Russian).

Il'yukov, L. S., Yatsenko, V. V. 2013. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 8. Rostov-on-Don: “Don archaeological society” Publ., 248–264 (in Russian).

Kozyumenko, E. V., Bepaly, E. I., Bepaly, G. E., Raev, B. A. 2001. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikah Krasnodarskogo kraia (Archaeological Studies at New Construction Sites in Krasnodar Krai)*. 1. Krasnodar, 155–160 (in Russian).

Korenevsky, S. N. 2017. *Oruzhie v kompleksakh kul'tur nachala medno-bronzovogo veka (V-IV tysiacheletii do n.e.)*. (Weapons in the Complexes of Cultures of the Early Copper-Bronze Age (5th-4th Millennium BC)). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kotova, N. S., Tubol'tsev, O. V. 1999. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 22–34 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2007. *Otchet o raskopkakh kurgana I u poselka Krasnorechensk (Kaban'e) Kremenskogo raiona Luganskoi oblasti (Report on the Excavations of Barrow I near the Krasnorechensk (Kabanye) village in Kremensky district of Luhansk Oblast)*. Archive of the Luhansk Archaeological and Ethnographic Museum under Lugansk State Pedagogical University. Fund 2, Inv. 02-23 (in Russian).

Kushnareva, K. Kh., Chubinishvili, T. N. 1970. *Drevnie kul'tury Iuzhnogo Kavkaza (V-III tys. do n. e.) (Ancient Cultures of the Southern Caucasus (5th-3rd Millennium B.C.))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yalçın Ü., Yalçın G.H. Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // *Anatolian metal VIII / Ed. Ü. Yalçın*. Bochum: Deutsches Bergbau Museum. 2018, p. 91–122. (Der Anschnitt; Beiheft 39).

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Prokof'ev, R. V. 2002. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* 2. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 109–133 (in Russian).

Rusev, R., Slachev, V., Marinov, G., Boiadzhiev, G. 2010. *Varna – praistoricheski centr na metaloobrabotka (Varna - prehistoric center of metalworking)*. Varna: "Dangrafik" Publ. (in Bulgarian).

Danilova, I. A. (ed.). 1996. *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana (Treasures of Troya from the Excavations by Heinrich Schliemann)*. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts; "Leonardo Arte" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Avilova, L. I., Kuzminykh, S. V., Orlovskaya, L. B. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 1, 5–23 (in Russian).

Antonova, E. 1992. In *Mesopotamia*. XXVII, 77–87 (in English).

Armbruster, B. 2016. In *Metalla*. Nr. 22 (1), 113–135 (in English).

Brereton, G. D. 2011. *The Social Life of Human Remains: Burial rites and the accumulation of capital during the transition from Neolithic to urban societies in the Near East*. Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy. Vol. I. University College. London (in English).

Frangipane, M., Di Nocera, G., Hauptmann, A., Morbidelli, P., Palmieri, A., Sadori, L., Schultz, M., Schmidt-Schultz, T. 2001. In *Paléorient*. Vol. 27/2, 105–139 (in English).

Hansen, S. 2020. In Hansen, S. (hrsg.) *Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstag von Blagoje Govedarica*. Wiesbaden: Harrasovitz Verlag, 45–72 (in German).

Koşay H.Z. 1951. Les fouilles d'Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939. Série: Turk Tarih Kurumu Yayınlarında. Ser. V; no. 5. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi (in French).

Kotova, N. 2010. In *Documenta praehistorica*. XXXVII. Ljubljana University Press, Faculty of Arts, 167–177 (in English).

Palumbi, G. 2007. In *Scienze dell'Antichità*. 14, 17–44 (in English).

Porada, E., Hansen, D. P., Dunham, S., Babcock, S. H. 1992. In R. W. Ehrich (ed.). *Chronologies in Old World archaeology*. Chicago; L.: Univ. Chicago Press. 1992. Vol. I. p. 74–124; Vol. II, p. 90–124 (in English).

Seeher J. Die Bronzezeitliche Nekropole von Demircihüyük-Sarıket. Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Zusammenarbeit mit dem Museum Bursa, 1990–1991. Tübingen: Wasmuth. 2000. 299 p. (Istanbuler Forschungen, 44).

Tobler, A. J. 1950. *Excavations at Tepe Gawra*. Vol. II. Philadelphia: University of Pennsylvania Press (in English).

van Loon M. 1973. In *Journal of Near Eastern Studies*. 32 (4), 357–423 (in English).

Woolley, C. L. 1934. *Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery*. London: The British museum (in English).

Wygnańska, Z. 2014. In *Polish Archaeology in the Mediterranean*. Vol. 23/2, 85–144 (in English).

Limbers, N. Yu. 1987. *Krasnodarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii o raskopkakh kurganov v zone stroitel'stva Ponuro-Kalininskoi orositel'noi sistemy II ocheredi (Kalininskii raion Krasnodarskogo kraia) za*

1986 god. (Krasnodar Archaeological Expedition on the Excavations of Barrows in the Construction Area of the Ponuro-Kalinino Irrigation System, Stage II (Kalininsky District of Krasnodar Krai) for 1986). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R-1, dossier 14977-14982 (in Russian).

About the Authors:

Avilova Lyudmila I. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; aviloval@mail.ru

Gey Alexander N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; donkuban@mail.ru

Kleshchenko Alexander A. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; sansanych@bk.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2022 г.

Статья принята к публикации 01.04.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.